Записки у изголовья

Автор:
Сэй-Сёнагон

Записки у изголовья

Сэй-Сёнагон

«Весною – рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом – ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя – необыкновенно красиво.

Осенью – сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, – какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад…

Зимою – раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, – так и чувствуешь зиму! К полудню холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!..»

Сэй-Сёнагон

Записки у изголовья

Комментарии В. Марковой

* * *

1. Весною – рассвет

Весною – рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом – ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя – необыкновенно красиво.

Осенью – сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, – какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад…

Зимою – раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, – так и чувствуешь зиму! К полудню холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

2. Времена года

У каждой поры своя особая прелесть в круговороте времен года. Хороши первая луна, третья и четвертая, пятая луна, седьмая, восьмая и девятая, одиннадцатая и двенадцатая.

Весь год прекрасен – от начала до конца.

3. Новогодние празднества

В первый день Нового года радостно синеет прояснившееся небо, легкая весенняя дымка преображает все кругом.

Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем, поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав. Как густо они всходят, как свежо и ярко зеленеют даже там, где их обычно не увидишь, внутри дворцовой ограды!

В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку подбросило на дороге. Женщины стукаются головами. Гребни из волос падают, ломаются. Слышен веселый смех.

Помню, как я первый раз поехала посмотреть на шествие «Белых коней».

За воротами возле караульни Левой гвардии толпились придворные. Они взяли луки у телохранителей, сопровождающих процессию, и стали пугать коней звоном тетивы.

Из своего экипажа я могла разглядеть лишь решетчатую ограду вдали, перед дворцом. Мимо нее то и дело сновали служанки и камеристки.

«Что за счастливицы! – думала я. – Как свободно они ходят здесь, в высочайшей обители за девятью вратами. Для них это привычное дело!»

Но на поверку дворы там тесные. Телохранители из церемониальной свиты прошли так близко от меня, что были видны даже пятна на их лицах. Белила наложены неровно, как будто местами стаял снег и проступила темная земля…

Лошади вели себя беспокойно, взвивались на дыбы. Поневоле я спряталась от страха в глубине экипажа и уже ничего больше не увидела.

На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю.

Пятнадцатый день – праздник, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния».

В знатных домах все прислужницы – и старшие, почтенные дамы, и молодые, – пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлопнуть друг друга, посматривая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них самый потешный! Вдруг хлоп! Кто-то не уберегся, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует.

Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме ее родителей, собирается утром пятнадцатого дня отбыть во дворец. Эту минуту и караулят женщины. Одна из них притаилась в дальнем углу. В любом доме найдется такая, что повсюду суется первой. Но другие, оглядываясь на нее,

начинают хихикать.

– Т-с, тихо! – машет она на них рукой.

И только юная госпожа, словно бы ничего не замечая, остается невозмутимой.

– Ах, мне надо взять вот это! – выскакивает из засады женщина, словно бы невзначай подбегает к юной госпоже, хлопает ее мешалкой по спине и мгновенно исчезает. Все дружно заливаются смехом.

Господин зять тоже добродушно улыбается, он не в обиде, а молодая госпожа даже не вздрогнула, и лишь лицо ее слегка розовеет, это прелестно!

Случается, женщины бьют мешалкой не только друг друга, но и мужчину стукнут.

Иная заплачет и в гневе начнет запальчиво укорять и бранить обидчицу:

– Это она, верно, со зла…

Даже во дворце государя царит веселая суматоха и строгий этикет нарушен. Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом, все равно в императорский дворец стекается толпа чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие свои достоинства.

Откуда им знать, что юные насмешницы после безжалостно передразнивают и вышучивают их?

– Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! – просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

4. В третий день третьей луны…

В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях.

Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья о и конец очарованию. До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе! А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд… Чудесная картина!

5. Прекрасна пора четвертой луны…

Прекрасна пора четвертой луны во время празднества Камо. Парадные кафтаны знатнейших сановников, высших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более темному или более светлому. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца. Так и веет прохладой!

Негустая листва на деревьях молодо зеленеет. И как-то невольно залюбуешься ясным небом, не скрытым ни весенней дымкой, ни туманами осени. А вечером и ночью, когда набегут легкие облака, где-то в отдаленье прячется крик кукушки, такой неясный и тихий, словно чудится тебе… Но как волнует он сердце!

Чем ближе праздник, тем чаще пробегают взад и вперед слуги, неся в руках небрежно обернутые в бумагу свертки шелка цвета «зеленый лист вперемешку с опавшим листом» или «индиго с пурпуром». Чаще обычного бросаются в глаза платья причудливой окраски: с яркой каймой вдоль подола, пестрые или полосатые.

Молодые девушки – участницы торжественного шествия – уже успели вымыть и причесать волосы, но еще не сбросили свои измятые, заношенные платья. У иных одежда в полном беспорядке. Они то и дело тревожно кричат:

«У сандалий не хватает завязок!», «Нужны новые подметки к башмакам!» – и хлопотливо бегают, вне себя от нетерпения: да скоро ли наступит долгожданный день?

Но вот все готово! Непоседы, которые обычно ходят вприпрыжку, теперь выступают медленно и важно, словно бонза во главе молитвенного шествия. Так преобразил девушек праздничный наряд!

Матери, тетки, старшие сестры, парадно убранные, каждая прилично своему рангу, сопровождают девушек в пути. Блистательная процессия!

Иные люди годами стремятся получить придворное звание куродо, но это не так-то просто. Лишь в день праздника дозволено им надеть одежду светло-зеленого цвета с желтым отливом, словно они настоящие куродо. О, если б можно было никогда не расставаться с этим одеянием! Но, увы, напрасные потуги: ткань, не затканная узорами, выглядит убого и невзрачно.

6. Случается, что люди называют одно и то же…

Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова несхожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины.

Простолюдины любят прибавлять к словам лишние слоги.

Немногословие прекрасно.

7. Отдать своего любимого сына в монахи…

Отдать своего любимого сына в монахи, как это горестно для сердца! Люди будут смотреть на него словно на бесчувственную деревяшку.

Монах ест невкусную постную пищу, он терпит голод, недосыпает. Молодость стремится ко всему, чем богата жизнь, но стоит монаху словно бы ненароком бросить взгляд на женщину, как даже за такую малость его строго порицают.

Но еще тяжелее приходится странствующему заклинателю – гэндзя. Он бродит по дальним тропам священных гор Митакэ и Кумано. Какие страшные испытания стерегут его на этом трудном пути! Но лишь только пройдет молва, что молитвы его имеют силу, как все начнут зазывать к себе. Чем больше растет его слава, тем меньше ему покоя.

Порой заклинателю стоит больших трудов изгнать злых духов, виновников болезни, он измучен, его клонит в сон… И вдруг слышит упрек: «Только и знает, что спать, ленивец!» Каково тогда у него на душе, подумайте!

Но все это дело глубокой старины. Ныне монахам живется куда вольготней.

8. Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы…

Дайдзин Наримаса, правитель дворца императрицы, готовясь принять свою госпожу у себя в доме, перестроил Восточные ворота, поставив над ними высокую кровлю на четырех столбах, и паланкин государыни внесли через этот вход.

Но придворные дамы решили въехать через Северные ворота, где стоит караульня, думая, что в столь поздний час стражников там не будет.

Иные из нас были растрепаны, но и не подумали причесаться. Ведь экипажи подкатят к самому дому простые слуги, а они не в счет.

Но, как на грех, плетенный из пальмовых листьев кузов экипажа застрял в тесных воротах.

Постелили для нас дорожку из циновок. Делать нечего! Мы были в отчаянии, но пришлось вылезти из экипажа и шествовать пешком через весь двор. Придворные и челядинцы собрались толпой возле караульни и насмешливо на нас поглядывали.

Какой стыд, какая досада!

Явившись к императрице, мы рассказали ей о том, что случилось.

– Но ведь и здесь, в глубине покоев, вас могут увидеть люди! Зачем же так распускаться? – улыбнулась государыня.

– Да, но здесь все люди знакомые, они к нам пригляделись, – сказала я. – Если мы не в меру начнем прихорашиваться, многие, чего доброго, сочтут это подозрительным. И потом, кто бы мог ожидать? Перед таким домом – и вдруг такие тесные ворота, экипажу не проехать!

Тут как раз появился сам Наримаса.

– Передайте это государыне, – сказал он мне, подсунув под церемониальный занавес тушечницу императрицы.

– Ах, вы ужасный человек! – воскликнула я. – Зачем построили такие тесные ворота?

– Мое скромное жилище под стать моему скромному рангу, – с усмешкой ответил Наримаса.

– Но построил же некогда один человек низкого звания высокие ворота перед своим домом…

– О страх! – изумился он. – Уж не говорите ли вы об Юй Динго? Вот не ожидал, что кто-нибудь, кроме старых педантов, слышал о нем! Я сам когда-то шел путем науки и лишь потому смог понять ваш намек.

– Но здешний «путь» не слишком-то был мудро устроен. Мы все попадали на ваших циновках. Такая поднялась сумятица…

– Полил дождь, что же прикажете делать? Но полно, полно, вашим придиркам конца не будет. – И Наримаса поспешно исчез.

– Что случилось? Наримаса так смутился, – осведомилась государыня.

– О, право, ничего! Я только рассказала ему, как наш экипаж застрял в воротах, – ответила я и удалилась в покои, отведенные для фрейлин.

Я делила его вместе с молодыми придворными дамами.

Нам так хотелось спать, что мы уснули сразу, ни о чем не позаботившись. Опочивальня наша находилась в западной галерее Восточного павильона. Скользящая дверь вела оттуда во внутренние покои, но мы не заметили, что она не заперта.

Наримаса как хозяин дома отлично это знал. Он приоткрыл дверь и каким-то чужим, охрипшим голосом несколько раз громко крикнул:

– Позвольте войти к вам, можно?

Я проснулась, гляжу: позади церемониального занавеса ярко горит высокий светильник, и все отлично видно.

Наримаса говорит с нами, приоткрыв дверь вершков на пять. Вид у него презабавный!

До сих пор он никогда не позволял себе ни малейшей вольности, а тут, видно, решил, что раз мы поселились в его доме, то ему все дозволено.

Я разбудила даму, спавшую рядом со мной.

– Взгляните-ка! Видели ли вы когда-нибудь нечто подобное?

Она подняла голову, взглянула, и ее разобрал смех.

– Кто там прячется? – крикнула я.

– Не пугайтесь! Это я, хозяин дома. Пришел побеседовать с вами по делу.

– Помнится, речь у нас шла о воротах в ваш двор. Но дверь в наши апартаменты я вас не просила открывать, – сказала я.

– Дались вам эти ворота! Дозвольте мне войти в ваши покои. Можно, можно?

– Нет, это возмутительно! Сюда нельзя, – со смехом заговорили дамы.

– А! Здесь и молоденькие есть! – И, притворив дверь, он удалился.

Раздался дружный хохот.

Уж если он решился открыть дверь в нашу опочивальню, то надо было пробраться к нам потихоньку, а не испрашивать дозволения во всю силу голоса. Кто бы откликнулся ему: пожалуйста, милости просим? Что за смехотворная нелепость!

На другое утро я рассказала императрице о ночном происшествии.

Государыня молвила с улыбкой:

– Никогда не слышала о нем ничего подобного. Верно, он был покорен твоим остроумием. Право, жаль его! Он жестоко терпит от твоих нападок.

Императрица повелела приготовить парадные одежды для прислужниц маленькой принцессы.

– А какого цвета должно быть, как бишь его, «облачение», что носят они поверх нижнего платья? – осведомился Наримаса.

Общему смеху конца не было.

– Для принцессы обычная посуда не годится. Надо изготовить «махонький» подносик и «махонькие» чашечки, – сказал Наримаса.

– Да, – подхватила я, – и пусть ее светлости прислуживают девушки в этих, как бишь их, «облачениях».

– Полно, не насмешничай, это недостойно тебя. Он человек честный и прямой, – вступилась за него государыня. Как чудесно звучали в ее устах даже слова укоризны!

Однажды, когда я дежурила в покоях императрицы, мне доложили:

– С вами желает говорить господин управитель.

– Что он еще скажет, чем насмешит нас? – полюбопытствовала императрица. – Ступай поговори с ним.

Я вышла к нему. Наримаса сказал мне:

– Я поведал брату моему тюнагону историю с Северными воротами. Он был восхищен вашим остроумием и стал просить меня устроить встречу с вами: «Я бы желал при удобном случае побеседовать с нею».

Наримаса не прибавил к этому ни одного двусмысленного намека, но у меня сердце замерло от страха. Как бы Наримаса не завел речь о своем ночном визите, чтобы смутить меня.

На прощанье он бросил мне:

– В следующий раз я погощу у вас подольше.

– Что ему было нужно? – спросила императрица.

Я без утайки пересказала все, о чем говорил мне Наримаса.

Дамы со смехом воскликнули:

– Не такое это было важное дело, чтобы вызывать вас из апартаментов государыни. Мог бы, кажется, побеседовать с вами в ваших собственных покоях.

– Но ведь Наримаса, верно, судил по себе, – заступилась за него императрица. – Старший брат, в его глазах высший авторитет, с похвалой отозвался о тебе, вот Наримаса и поспешил тебя порадовать.

Как прекрасна была государыня в эту минуту!

9. Госпожа кошка, служившая при дворе…

Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки чиновников пятого ранга, и ее почтительно титуловали госпожой мёбу. Она была прелестна, и государыня велела особенно ее беречь.

Однажды, когда госпожа мёбу разлеглась на веранде, приставленная к ней мамка по имени Ума-но мёбу, прикрикнула на нее:

– Ах ты негодница! Сейчас же домой!

Но кошка продолжала дремать на солнышке. Мамка решила ее припугнуть:

– Окинамаро, где ты? Укуси мёбу-но омото!

Глупый пес набросился на кошку, а она в смертельном страхе кинулась в покои императора. Государь в это время находился в зале утренней трапезы. Он был немало удивлен и спрятал кошку у себя за пазухой.

На зов государя явились куродо – Тадатака и Наринака.

– Побить Окинамаро! Сослать его на Собачий остров сей же час! – повелел император.

Собрались слуги и с шумом погнались за собакой. Не избежала кары и Ума-но мёбу.

– Отставить мамку от должности, она нерадива, – приказал император.

Ума-но мёбу больше не смела появляться перед высочайшими очами.

Стражники прогнали бедного пса за ворота. Увы, давно ли сам То-но бэн вел его, когда в третий день третьей луны он горделиво шествовал в процессии, увенчанный гирляндой из веток ивы. Цветы персика вместо драгоценных шпилек, на спине ветка цветущей вишни, вот как он был украшен. Кто бы мог тогда подумать, что ему грозит такая злосчастная судьба.

– Во время утренней трапезы, – вздыхали дамы, – он всегда был возле государыни. Как теперь его не хватает!

Через три-четыре дня услышали мы в полдень жалобный вой собаки.

– Что за собака воет без умолку? – спросили мы. Псы со всего двора стаей помчались на шум.

Скоро к нам прибежала служанка из тех, что убирают нечистоты:

– Ах, какой ужас! Двое мужчин насмерть избивают бедного пса. Говорят, он был сослан на Собачий остров и вернулся, вот его и наказывают за ослушание.

Сердце у нас защемило: значит, это Окинамаро!

– Его бьют куродо Тадатака и Санэфуса, – добавила служанка.

Только я послала гонца с просьбой прекратить побои, как вдруг жалобный вой затих.

Посланный вернулся с известием:

– Издох. Труп выбросили за ворота.

Все мы очень опечалились, но вечером к нам подполз, дрожа всем телом, какой-то безобразно распухший пес, самого жалкого вида.

– Верно, это Окинамаро? Такой собаки мы здесь не видели, – заговорили дамы.

– Окинамаро! – позвали его, но он словно бы не понял. Мы заспорили. Одни говорили: «Это он!», другие: «Нет, что вы!»

Государыня повелела:

– Укон хорошо его знает. Кликните ее.

Пришла старшая фрейлина Укон. Государыня спросила:

– Неужели это Окинамаро?

– Пожалуй, похож на него, но уж очень страшен на вид, – ответила госпожа Укон. – Бывало, только я крикну «Окинамаро!», он радостно бежит ко мне, а этого сколько ни зови, не идет. Нет, это не он! Притом ведь я слышала, что бедного Окинамаро забили насмерть. Как мог он остаться в живых, ведь его нещадно избивали двое мужчин!

Императрица была огорчена.

Настали сумерки, собаку пробовали накормить, но она ничего не ела, и мы окончательно решили, что это какойто приблудный пес.

На другое утро я поднесла императрице гребень для прически и воду для омовения рук. Государыня велела мне держать перед ней зеркало.

Прислуживая государыне, я вдруг увидела, что под лестницей лежит собака.

– Увы! Вчера так жестоко избили Окинамаро. Он, наверно, издох. В каком образе возродится он теперь? Грустно думать, – вздохнула я.

При этих словах пес задрожал мелкой дрожью, слезы у него так и потекли-побежали.

Значит, это все-таки был Окинамаро! Вчера он не посмел отозваться. Мы были удивлены и тронуты.

Положив зеркало, я воскликнула:

– Окинамаро!

Собака подползла ко мне и громко залаяла. Государыня улыбнулась.

Она призвала к себе госпожу Укон и все рассказала ей. Поднялся шум и смех.

Сам государь пожаловал к нам, узнав о том, что случилось.

– Невероятно! У бессмысленного пса – и вдруг такие глубокие чувства, – шутливо заметил он.

Дамы из свиты императора тоже толпой явились к нам и стали звать Окинамаро по имени. На этот раз он поднялся с земли и пошел на зов.

– Смотрите, у него все еще опухшая морда, надо бы сделать примочку, – предложила я.

– Ага, в конце концов пришлось ему выдать себя! – смеялись дамы.

Тадатака услышал это и крикнул из Столового зала:

– Неужели это правда? Дайте, сам погляжу. Я послала служанку, чтобы сказать ему:

– Какие глупости! Разумеется, это другая собака.

– Говорите себе, что хотите, а я разыщу этого подлого пса. Не спрячете от меня, – пригрозил Тадатака.

Вскоре Окинамаро был прощен государем и занял свое прежнее место во дворце.

Но и теперь я с невыразимым волнением вспоминаю, как он стонал и плакал, когда его пожалели.

Так плачет человек, услышав слова сердечного сочувствия.

А ведь это была простая собака… Разве не удивительно?

10. Первый день года и третий день третьей луны…

Первый день года и третий день третьей луны особенно радуют в ясную погоду.

Пускай хмурится пятый день пятой луны. Но в седьмой день седьмой луны туманы должны к вечеру рассеяться.

Пусть в эту ночь месяц светит полным блеском, а звезды сияют так ярко, что, кажется, видишь их живые лики.

Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются благоуханной влагой, и аромат цветов станет от этого еще сильнее.

А до чего хорошо, когда рано на рассвете дождь кончится, но небо все еще подернуто облаками, кажется, вот-вот снова посыплются капли!

11. Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность…

Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность, выражают свою радостную благодарность.

Распустив по полу длинные шлейфы, с таблицами в руках, они почтительно стоят перед императором. Потом с большим усердием исполняют церемониальный танец и отбивают поклоны.

12. Хотя караульня в нынешнем дворце…

Хотя караульня в нынешнем дворце расположена у Восточных ворот, ее по старой памяти называют Северной караульней.

Поблизости от нее поднимается к небу огромный дуб.

– Какой он может быть высоты? – удивлялись мы. Господин почетный тюдзё Наринобу пошутил в ответ:

– Надо бы срубить его у самого корня. Он мог бы послужить опахалом для епископа Дзётё.

Случилось так, что епископ этот был назначен настоятелем храма Ямасина и явился благодарить императора в тот самый день, когда господин Наринобу стоял во главе караула гвардии.

Епископ выглядел устрашающей громадиной, ведь он, как нарочно, надел сандалии на высоких подставках.

Когда он удалился, я спросила Наринобу:

– Что же вы не подали ему опахало?

– О, вы ничего не забываете! – засмеялся тот.

13. Горы

Горы Огура – «Сумерки», Касэ – «Одолжи!», Микаса – «Зонтик», Конокурэ – «Лесная сень», Иритати – «Заход солнца», Васурэдзу – «Не позабуду!», Суэномацу – «Последние сосны», Катасари – «Гора смущения», – любопытно знать: перед кем она так смущалась?

Горы Ицувата – «Когда же», Каэру – «Вернешься», Нотисэ – «После…».

Гора Асакура – «Кладовая утра». Как она прекрасна, когда глядишь на нее издали!

Прекрасная гора Охирэ. Ее имя заставляет вспомнить танцоров, которых посылает император на праздник храма Ивасимидзу.

Прекрасны горы Мива – «Священное вино».

Гора Тамукэ – «Возденем руки». Гора Матиканэ – «Не в силах ждать». Гора Тамасака – «Жемчужные склоны». Гора Миминаси – «Без ушей».

14. Рынки

Рынок Дракона. Рынок Сато.

Среди множества рынков в провинции Ямато всего замечательней рынок Цуба. Паломники непременно посещают его по дороге в храмы Хасэ, и он словно тоже причастен к поклонению богине Каннон.

Рынок Офуса. Рынок Сикама. Рынок Асука.

15. Горные пики

Горные пики Юдзурува, Амида, Иятака.

16. Равнины

Равнина Мика. Равнина Асита. Равнина Сонохара.

17. Пучины

Касикофути – «Пучина ужаса»…Любопытно, в какие мрачные глубины заглянул тот, кто дал ей такое название?

Пучина Наирисо – «Не погружайся!» – кто кого так остерег?

Аоиро – «Светло-зеленые воды» – какое красивое имя! Невольно думаешь, что из них можно бы сделать одежды для молодых куродо.

Пучины Какурэ – «Скройся!», Ина – «Нет!».

18. Моря

Море пресной воды. Море Ёса. Море Кавафути.

19. Императорские гробницы

Гробница Угуису – «Соловей». Гробница Касиваги – «Дубовая роща». Гробница Амэ – «Небо».

20. Переправы

Переправа Сикасуга. Переправа Корпдзума. Переправа Мидзухаси – «Водяной мост».

21. Чертоги(?)

Яшмовый чертог (?).

22. Здания

Врата Левой гвардии. Прекрасны также дворцы Нидзё, Итидзё. И еще – дворцы Сомэдоно-но мия. Сэкайин, Сугавара-но ин, Рэнсэйин, Канъин, Судзакуин, Оно-но мия, Кобай, Агата-но идо, Тосандзё, Кохатидзё, Коитидзё.

23. В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэ?н…

В северо-восточном углу дворца Сэйрёдэн на скользящей двери, ведущей из бокового зала в северную галерею, изображено бурное море и люди страшного вида: одни с непомерно длинными руками, другие с невероятно длинными ногами. Когда дверь в покои императрицы оставалась отворенной, картина с длиннорукими уродами была хорошо видна.

Однажды придворные дамы, собравшись в глубине покоев, со смехом глядели на нее и говорили, как она ужасна и отвратительна!

Возле балюстрады на веранде была поставлена ваза из зеленоватого китайского фарфора, наполненная ветками вишни. Прекрасные, осыпанные цветами ветви,

длиною примерно в пять локтей, низко-низко перевешивались через балюстраду…

В полдень пожаловал господин дайнагон Корэтика, старший брат императрицы. Его кафтан «цвета вишни» уже приобрел мягкую волнистость. Темно-пурпурные шаровары затканы плотным узором. Из-под кафтана выбиваются края одежд, внизу несколько белых, а поверх них еще одна, парчовая, густо-алого цвета.

Император пребывал в покоях своей супруги, и дайнагон начал докладывать ему о делах, заняв место на узком деревянном помосте, перед дверью, ведущей в покои государыни.

Позади плетеной шторы, небрежно спустив с плеч китайские накидки, сидели придворные дамы в платьях «цвета вишни», лиловой глицинии, желтой керрии и других модных оттенков. Концы длинных рукавов выбивались из-под шторы, закрывавшей приподнятую верхнюю створку небольших ситоми, и падали вниз, до самого пола.

А тем временем в зале для утренней трапезы слышался громкий топот ног: туда несли подносы с кушаньем. Раздавались возгласы: «Эй, посторонись!»

Ясный и тихий день был невыразимо прекрасен. Когда прислужники внесли последние подносы, было объявлено, что обед подан.

Император вышел из главных дверей. Дайнагон проводил его и вернулся назад, к осененной цветами балюстраде. Государыня откинула занавес и появилась на пороге.

Нас, ее прислужниц, охватило безотчетное чувство счастья, мы забыли все наши тревоги.

Пусть луна и солнце

Переменят свой лик,

Неизменным пребудет

На горе Мимуро… –

медленно продекламировал дайнагон старое стихотворение.

Я подумала: «Чудесно сказано! Пусть же тысячу лет пребудет неизменным этот прекрасный лик».

Не успели придворные, прислуживавшие за обедом императору, крикнуть, чтобы унесли подносы, как государь вернулся в покои императрицы.

Государыня приказала мне:

– Разотри тушь.

Но я невольно загляделась на высочайшую чету, и работа у меня не ладилась.

Императрица сложила в несколько раз белый лист бумаги:

– Пусть каждая из вас напишет здесь старинную танку, любую, что вспомнится.

Я спросила у дайнагона, сидевшего позади шторы:

– Как мне быть?

Но дайнагон ответил:

– Пишите, пишите быстрее! Мужчине не подобает помогать вам советом.

Государыня передала нам свою тушечницу.

– Скорее! Не раздумывайте долго, пишите первое, что на ум придет, хоть «Нанивадзу», – стала она торопить нас. Неужели все мы до того оробели? Кровь хлынула в голову, мысли спутались. Старшие фрейлины, бормоча про себя: «Ах, мучение!» – написали всего две-три танки о весне, о сердце вишневых цветов и передали мне бумагу со словами:

– Ваша очередь.

Вот какое стихотворение припомнилось мне:

Промчались годы,

Старость меня посетила,

Но только взгляну

На этот цветок весенний,

Все забываю печали.

Я изменила в нем один стих:

…Но только взгляну

На моего государя,

Все забываю печали.

Государь изволил внимательно прочесть то, что мы написали.

– Я хотел испытать быстроту ума каждой из вас, не больше, – заметил он и к слову рассказал вот какой случай из времен царствования императора Энъю:

– Однажды император повелел своим приближенным:

«Пусть каждый из вас напишет по очереди одно стихотворение вот здесь, в тетради».

А им этого смертельно не хотелось. Некоторые стали отнекиваться, ссылаясь на то, что почерк у них, дескать, нехорош.

«Мне нужды нет, каким почерком написано стихотворение и вполне ли отвечает случаю», – молвил император.

Все в большом смущении начали писать.

Среди придворных находился наш нынешний канцлер, тогда еще тюдзё третьего ранга.

Ему пришла на память старинная танка:

Как волны морские

Бегут к берегам Идзумо,

Залив ли, мыс ли,

Так мысли, все мои мысли

Стремятся только к тебе.

Он заменил лишь одно слово в конце стихотворения:

Так мысли, все мои мысли

Стремятся к тебе, государь.

Император весьма похвалил его».

При этих словах у меня невольно испарина выступила от сердечного волнения.

«Вряд ли молодые дамы сумели так написать, как я? – подумалось мне. – Иные из них в обычное время пишут очень красиво, но тут до того потерялись от страха, что, наверно, сделали множество ошибок».

Императрица положила перед собой тетрадь со стихами из «Кокинсю». Прочитав вслух начало танки, она спрашивала, какой у нее конец. Некоторые песни мы денно и нощно твердили наизусть, так почему же теперь путались и все забывали?

Госпожа сайсё помнила от силы с десяток стихотворений… Скажешь ли, что она знаток поэзии? Другие и того хуже: помнили всего пять-шесть. Лучше бы сразу сознаться начистоту, но дамы лишь стонали и сетовали:

– Ах, разве можно упрямо отказываться, когда государыня изволит спрашивать?

Ну, не смешно ли?

Если ни одна из нас не могла припомнить последних строк стихотворения, императрица читала его до конца и отмечала это место в книге закладкой.

– Ах, уж его-то мы отлично знали! И отчего вдруг память отказала? – жаловалась дамы.

В самом деле, странно! Ведь сколько раз переписывали они «Кокинсю», с начала до конца, могли бы, кажется, запомнить!

Вот что по этому случаю рассказала нам императрица:

«В царствование императора Мураками жила одна дама, близкая к государю. Прозвали ее Сэнъёдэ н-но нёго, а отцом ее был Левый министр, имевший свою резиденцию в Малом дворце на Первом проспекте. Но вы, наверно, все об этом слышали.

Когда она была еще юной девушкой, отец так наставлял ее:

– Прежде всего упражняй свою руку в письме. Затем научись играть на семиструнной цитре так хорошо, чтобы никто не мог сравниться с тобой в этом искусстве. Но наипаче всего потрудись прилежно заучить на память все двадцать томов «Кокинсю».

Это дошло до слуха императора Мураками. Однажды в День удаления от скверны он принес с собой «Кокинсю» в покои госпожи Сэнъёдэн и сел позади церемониального занавеса. Ей показалось это странным и необычным.

Император разложил перед собой тома «Кокинсю» и начал спрашивать:

– Кто сочинил это стихотворение, в каком году, каком месяце и по какому поводу?

Госпожа Сэнъёдэн на все могла дать точный ответ, так, мол, и так. Но в душе, наверно, была в полном смятении. Какой позор, если б она ошиблась хоть в

малости или что-то позабыла!

Император призвал двух-трех придворных дам, особо сведущих в поэзии, и приказал им при помощи фишек для игры подсчитать, сколько песен знает госпожа Сэнъёдэн. А ей он строго-настрого велел отвечать на вопросы.

Какое это было, наверно, волнующее и прекрасное зрелище! Можно позавидовать тем, кто тогда имел счастье там присутствовать.

Государь снова начал испытание. Но не успеет он дочитать танку до конца, как госпожа Сэнъёдэн уже дает точный ответ, не ошибившись ни в одном слове.

Императора даже досада взяла. Ему непременно хотелось поймать ее хоть на небольшой обмолвке. Так пролистал он первые десять томов.

– Дальше продолжать бесполезно, – молвил государь и, положив закладку в книгу, удалился в свою опочивальню. Какое торжество для госпожи Сэнъёдэн!

Проспав немало времени, император вдруг пробудился.

«Нет, – сказал он себе, – можно ли покинуть поле битвы, пока не решен исход? Ведь, если отложить испытание до завтра, она, пожалуй, успеет освежить в памяти последние десять томов!»

«Нынче же доведу дело до конца», – решил император и, повелев зажечь светильники, продолжал экзамен до глубокой ночи.

И все же госпожа Сэнъёдэн осталась непобежденной. Император вновь удалился к себе, а придворные поспешили сообщить отцу ее – Левому министру – обо всем, что произошло.

Взволнованный до глубины души, Левый министр повелел совершить служение во многих храмах, а сам, обратившись лицом к императорскому дворцу, читал всю ночь благодарственные молитвы богам.

Вот подлинная страсть к поэзии!»

Выслушав с глубоким вниманием рассказ императрицы, государь воскликнул:

– А я так с трудом могу прочитать подряд три-четыре тома стихов!

– В старину даже люди низкого звания знали толк в поэзии. Разве в наше время так бывает? – оживленно толковали между собой дамы, приближенные к императрице, и дамы, прибывшие в свите императора.

Я слушала с восторгом, позабыв обо всем на свете, так увлекла меня эта беседа.

24. Какими ничтожными кажутся мне те женщины…

Какими ничтожными кажутся мне те женщины, которые, не мечтая о лучшем будущем, ревниво блюдут свое будничное семейное счастье!

Я хотела бы, чтоб каждая девушка до замужества побывала во дворце и познакомилась с жизнью большого света! Пусть послужит хоть недолгое время в должности найси-но сукэ.

Терпеть не могу придирчивых людей, которые злословят по поводу придворных дам. Положим, нет дыма без огня. Придворная дама не сидит затворницей, она встречается с множеством людей.

Кроме высочайших особ, если я смею помянуть их, она видит вельмож, царедворцев, сановников, фрейлин и разных прочих людей. А разве она может брезгливо уклониться от встреч с женщинами простого звания? Ведь сколько их во дворце: камеристки и служанки, прибывшие во дворец вместе со своей госпожой из ее родного дома, низшие прислужницы, вплоть до последних служанок, убирающих нечистоты, кого ценят не более, чем обломок черепицы!

Господа мужчины, столь немилосердно порицающие нас, вряд ли вынуждены разговаривать с любой челядинкой, нам же этого не избежать. А ведь если мужчина служит во дворце, то заводит там самые пестрые знакомства.

Когда придворная дама выходит замуж, ей оказывают всяческое почтение, но в душе думают, что каждый знает ее в лицо и что не найдешь в ней прежней наивной прелести.

Спору нет, это так. Но разве малая честь для мужа, если жену его титулуют госпожой найси-но сукэ? Она посещает дворец, ее посылают от имени императора на празднество Камо.

Иные дамы, оставив придворную службу, замыкаются в кругу семьи и находят там свое счастье. Но они не уронят себя, если им случится побывать во дворце, например, по случаю Пляски пяти танцовщиц, когда правители провинций присылают во дворец своих юных дочерей. Бывшая придворная дама сумеет соблюсти хороший тон и не будет задавать глупых вопросов. А это очень приятно.

25. То, что наводит уныние

Собака, которая воет посреди белого дня.

Верша для ловли рыб, уже ненужная весной.

Зимняя одежда цвета алой сливы в пору третьей или четвертой луны.

Погонщик, у которого издох бык. Комната для родов, где умер ребенок. Жаровня или очаг без огня.

Ученый высшего звания, у которого рождаются только дочери.

Остановишься в чужом доме, чтобы «изменить направление пути», грозящее бедой, а хозяин как раз в отсутствии. Особенно это грустно в День встречи весны.

Досадно, если к письму, присланному из провинции, не приложен гостинец. Казалось бы, в этом случае не должно радовать и письмо из столицы, но зато оно всегда богато новостями. Узнаешь из него, что творится в большом свете.

С особым старанием напишешь кому-нибудь письмо. Пора бы уже получить ответ, но посланный тобой слуга подозрительно запаздывает. Ждешь долго-долго и вдруг твое письмо, красиво завязанное узлом или скрученное на концах, возвращается к тебе назад, но в каком виде! Испачкано, смято, черта туши, для сохранности тайны проведенная сверху, бесследно стерта.

Слуга отдает письмо со словами:

«Дома не изволят быть», или: «Нынче, сказали, соблюдают День удаления, письма принять не могут».

Какая досада!

Или вот еще. Посылаешь экипаж за кем-нибудь, кто непременно обещал приехать к тебе. Ждешь с нетерпением. Слышится стук подъезжающей повозки. Кто-то кричит:

«Вот наконец пожаловали!»

Спешишь к воротам. Но экипаж тащат в сарай, оглобли со стуком падают на землю.

Спрашиваешь:

– В чем дело?

– А дома не случилось. Говорят, изволили куда-то отбыть, – отвечает погонщик и уводит в стойло распряженного быка.

Или вот еще. Зять, принятый в семью, перестает навещать свою жену. Большое огорчение! Какая-то важная особа сосватала ему дочку одного придворного. Совестно перед людьми, а делать нечего!

Кормилица отпросилась «на часочек». Утешаешь ребенка, забавляешь. Пошлешь к кормилице приказ немедленно возвращаться… И вдруг от нее ответ: «Нынче вечером не ждите». Тут не просто в уныние придешь, этому имени нет, гнев

берет, до чего возмутительно!

Как же сильно должен страдать мужчина, который напрасно ждет свою возлюбленную!

Или еще пример.

Ожидаешь всю ночь. Уже брезжит рассвет, как вдруг – тихий стук в ворота. Сердце твое забилось сильнее, посылаешь людей к воротам узнать, кто пожаловал.

Но называет свое имя не тот, кого ждешь, а другой человек, совершенно тебе безразличный. Нечего и говорить, какая тоска сжимает тогда сердце!

Заклинатель обещал изгнать злого духа. Он велит принести четки и начинает читать заклинания тонким голосом, словно цикада верещит.

Время идет, а незаметно, чтобы злой дух покинул больного или чтобы добрый демон-защитник явил себя. Вокруг собрались и молятся родные больного. Всех их начинают одолевать сомнения.

Заклинатель из сил выбился, уже битый час он читает молитвы.

– Небесный защитник не явился. Вставай! – приказывает он своему помощнику и забирает у него четки.

– Все труды пропали! – бормочет он, ероша волосы со лба на затылок, и ложится отдохнуть немного.

– Любит же он поспать! – возмущаются люди и без всякой жалости трясут его, будят, стараются из него хоть слово выжать.

Печальное зрелище! Или вот еще.

Дом человека, который не получил должности в дни, когда назначаются правители провинций.

Прошел слух, что уж на этот раз его не обойдут. Из разных глухих мест к нему съезжаются люди, когда-то служившие у него под началом, с виду сущие деревенщины. Все они полны надежд.

То и дело видишь во дворе оглобли подъезжающих и отъезжающих повозок. Каждый хочет сопровождать своего покровителя, когда он посещает храмы. Едят, пьют, галдят наперебой.

Время раздачи должностей подходит к концу. Уже занялась заря последнего дня, а еще ни один вестник не постучал в ворота.

– Право, это странно! – удивляются гости, поминутно настораживая уши.

Но вот слышатся крики передовых скороходов: советники государя покидают дворец.

Слуги с вечера зябли возле дворца в ожидании вестей, теперь они возвращаются назад с похоронными лицами.

Люди в доме даже не решаются их расспрашивать. И только приезжие провинциалы любопытствуют:

– Какую должность получил наш господин? Им неохотно отвечают:

– Он по-прежнему экс-губернатор такой-то провинции.

Все надежды рухнули, какое горькое разочарование!

На следующее утро гости, битком набившие дом, потихоньку отбывают один за другим. Но иные состарились на службе у хозяина дома и не могут так легко его покинуть, они бродят из угла в угол, загибая пальцы на руках. Подсчитывают, какие провинции окажутся вакантными в будущем году.

Унылая картина!

Вы послали кому-то стихотворение. Вам оно кажется хорошим, но увы! Не получаете «ответной песни». Грустно и обидно. Если это было любовное послание, что же, не всегда можно на него отозваться. Но как не написать в ответ хоть несколько ничего не значащих любезных слов… Чего же стоит такой человек?

Или вот еще.

В оживленный дом ревнителя моды приносят стихотворение в старом вкусе, без особых красот, сочиненное в минуту скуки стариком, безнадежно отставшим от века.

Тебе нужен красивый веер к празднику. Заказываешь его прославленному художнику. Наступает день торжества, веер доставлен… и на нем – кто бы мог ожидать! – намалеван безобразный рисунок.

Посланный приносит подарок по случаю рождения ребенка или отъезда в дальний путь, но ничего не получает в награду.

Непременно нужно вознаградить слугу, хотя бы он принес пустячок: целебный шар кусудама или колотушку счастья. Посланный от души рад, он не рассчитывал на щедрую мзду. Иной раз слуга не сомневается, что его ждет богатая награда. Сердце у него так и прыгает. Но надежды его обмануты, и он возвращается назад мрачнее тучи.

В семью приняли молодого зятя, но прошло четыре-пять лет, и еще ни разу в доме не поднимали суматоху, спеша приготовить покои для родов. Какой печальный дом! У престарелых супругов много взрослых сыновей и дочерей, пора бы, кажется, и внучатам ползать по полу и делать первые шаги. Старики прилегли отдохнуть в одиночестве. На них вчуже глядеть грустно. Что же должны чувствовать их собственные дети!

Вечером в канун Нового года весь дом в хлопотах. Лишь кто-то один лениво встает с постели после дневного отдыха и плещется в горячей воде. Сил нет, как

это раздражает!

А еще наводят уныние:

долгие дожди в последний месяц года;

один день невоздержания в конце длительного поста.

26. То, к чему постепенно теряешь рвение

Каждодневные труды во время поста.

Приготовление к тому, что еще не скоро наступит. Долгое уединение в храме.

27. То, над чем посмеиваются

Обвалившаяся ограда.

Человек, который прослыл большим добряком.

28. То, что докучает

Гость, который без конца разглагольствует, когда тебе некогда. Если с ним можно не считаться, спровадишь его без долгих церемоний: «После, после…» Но какая же берет досада, если гость – человек значительный и прервать его неловко.

Растираешь палочку туши и вдруг видишь: к тушечнице прилип волосок. Или в тушь попал камушек и царапает слух пронзительным «скрип-скрип».

Кто-то внезапно заболел. Посылаешь слугу с наказом скорей привести заклинателя, а того, как нарочно, дома нет. Ищут повсюду. Ждешь, не находя себе места.

Как долго тянется время! Наконец – о радость! – явился. Но он, должно быть, лишь недавно усмирял демонов. Садится усталый и начинает сонным голосом бормотать заклинания себе под нос. Большая досада!

Человек, не блещущий умом, болтает обо всем на свете с глупой ухмылкой на лице.

А иной гость все время вертит руки над горящей жаровней, трет и разминает, поджаривая ладони на огне. Кто когда видел, чтобы молодые люди позволяли себе подобную вольность? И только какой-нибудь старик способен небрежно положить ногу на край жаровни, да еще и растирать ее во время разговора.

Такой бесцеремонный гость, явившись к вам с визитом, первым делом взмахами веера сметает во все стороны пыль с того места, куда намерен сесть. Он не держится спокойно, руки и ноги у него все время в движении, он заправляет под колени переднюю полу своей «охотничьей одежды», вместо того чтобы раскинуть ее перед собой.

Вы думаете, что столь неблаговоспитанно ведут себя только люди низкого разбора, о ком и говорить-то не стоит? Ошибаетесь, и чиновные господа не лучше. К примеру, так вел себя третий секретарь императорской канцелярии. А иной упьется рисовой водкой и шумит вовсю. Обти рая неверной рукой рот и поглаживая бороденку, если она у него имеется, сует чарку соседу в руки, – до чего противное зрелище!

«Пей!» – орет он, подзадоривая других.

Посмотришь, дрожит всем телом, голова качается, нижняя губа отвисла… А потом еще и затянет ребячью песенку:

В губернскую управу я пошел…

И так ведут себя, случалось мне видеть, люди из самого хорошего круга. Скверно становится на душе!

Завидовать другим, жаловаться на свою участь, приставать с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности, – как это мерзко!

Ребенок раскричался как раз тогда, когда ты хочешь к чему-то прислушаться.

Вороны собрались стаей и носятся взад-вперед с оглушительным карканьем.

Собака увидела кого-то, кто потихоньку пробирался к тебе, и громко лает на него. Убить бы эту собаку!

Спрячешь с большим риском кого-нибудь там, где быть ему недозволено, а он уснул и храпит!

Или вот еще.

Принимаешь тайком возлюбленного, а он явился в высокой шапке! Хотел пробраться незамеченным, и вдруг шапка за что-то зацепилась и громко шуршит.

Мужчина рывком перебрасывает себе через голову висящую у входа плетеную штору – и она отчаянно шелестит. Если это тяжелая штора из бамбуковых палочек, то еще хуже! Нижний край ее упадет на пол с громким стуком. А ведь, кажется, нетрудное дело – поднять штору беззвучно. Зачем с силой толкать скользящую дверь? Ведь она сдвинется бесшумно, стоит только чуть-чуть ее приподнять. Даже легкие сёдзи издадут громкий скрип, если их неумело толкать и дергать. До чего же неприятно!

Тебя клонит в сон, ты легла и уже засыпаешь, как вдруг тонким-тонким голосом жалобно запевает москит, он кружит над самым твоим лицом и даже, такой маленький, умудряется навевать ветерок своими крылышками. Изведет вконец.

Скрипучая повозка невыносимо раздирает уши. Если едешь в чужом экипаже, то даже владелец его становится тебе противен.

Рассказываешь старинную повесть. Вдруг кто-то подхватил нить твоего рассказа и продолжает сам. Несносный человек! И вообще несносен каждый, будь то взрослый или ребенок, кто прерывает тебя и вмешивается в разговор.

К тебе случайно забежали дети. Приласкаешь их, подаришь какие-нибудь безделушки. И уж теперь от них отбою нет, то и дело врываются к тебе, хватают и разбрасывают все, что им попадется на глаза.

В дом или во дворец, где ты служишь, явился неприятный для тебя посетитель. Прикинешься спящей, но не тутто было! Твои служанки будят тебя, трясут и расталкивают с укоризненным видом: как, мол, не совестно быть такой соней! А ты себя не помнишь от досады.

Придворная дама служит без году неделя, а туда же: берется всех поучать с многоопытным видом и, непрошенная, навязывает свою помощь! Терпеть не могу таких особ!

Человек, близкий твоему сердцу, вдруг начинает хвалить до небес свою прежнюю возлюбленную. Не особенно это приятно, даже если речь идет о далеком прошлом. Но, предположим, он лишь недавно расстался с нею? Тут уж тебя заденет за живое. Правда, нет худа без добра: в этом случае легче судить, что к чему.

Гость чихнул и бормочет заклинание. Нехорошо! Только разве один хозяин дома может позволить себе такую вольность.

Блохи – препротивные существа. Скачут под платьем так, что, кажется, оно ходит ходуном.

Когда собаки где-то вдалеке хором поднимают протяжный вой, просто жуть берет, до чего неприятное чувство!

Кто-то открыл дверь и вышел, а закрыть за собой и не подумал. Какая докука!

29. То, что заставляет сердце сильнее биться

Как взволнованно твое сердце, когда случается: Кормить воробьиных птенчиков.

Ехать в экипаже мимо играющих детей.

Лежать одной в покоях, где курились чудесные благовония. Заметить, что драгоценное зеркало уже слегка потускнело.

Слышать, как некий вельможа, остановив свой экипаж у твоих ворот, велит слугам что-то спросить у тебя.

Помыв волосы и набелившись, надеть платье, пропитанное ароматами. Даже если никто тебя не видит, чувствуешь себя счастливой.

Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра.

30. То, что дорого как воспоминание

Засохшие листья мальвы.

Игрушечная утварь для кукол.

Вдруг заметишь между страницами книги когда-то заложенные туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.

Веер «Летучая мышь» – память о прошлом лете.

31. То, что радует сердце

Прекрасное изображение женщины на свитке в сопровождении многих искусно написанных слов.

На обратном пути с какого-нибудь зрелища края женских одежд выбиваются из-под занавесок, так переполнен экипаж. За ним следует большая свита, умелый погонщик гонит быка вовсю.

Сердце радуется, когда пишешь на белой и чистой бумаге из Митиноку такой тонкой-тонкой кистью, что, кажется, она и следов не оставит.

Крученые мягкие нити прекрасного шелка.

Во время игры в кости много раз подряд выпадают счастливые очки.

Гадатель, превосходно владеющий своим искусством, возглашает на берегу реки заклятия против злых чар.

Глоток воды посреди ночи, когда очнешься от сна.

Томишься скукой, но вдруг приходит гость, в обычное время не слишком тебе близкий. Он сообщает последние светские новости, рассказывает о разных событиях, забавных, горестных или странных, о том, о другом… Во всем он осведомлен, в делах государственных или частных, обо всем говорит толково и ясно. На сердце у тебя становится весело. Посетив какой-нибудь храм, закажешь там службу. Бонза в храме или младший жрец в святилище против обыкновения читает молитвы отчетливо, звучным голосом. Приятно слушать.

32. Экипаж знатного вельможи с кузовом из пальмовых листьев…

Экипаж знатного вельможи с кузовом из пальмовых листьев должен ехать спокойно и плавно. Если он мчится слишком быстро, это оскорбляет глаза.

Но зато чем скорее промелькнет мимо обычный экипаж с сетчатым кузовом, тем лучше. Едва показался – и уже исчез, только и заметишь бегущих сзади слуг. Занятно гадать: кто проехал? Но если повозка тащится медленно, какой уж интерес!

33. Проповедник должен быть благообразен лицом

Проповедник должен быть благообразен лицом.

Когда глядишь на него, не отводя глаз, лучше постигаешь святость поучения. А будешь смотреть по сторонам, мысли невольно разбегутся. Уродливый вероучитель, думается мне, вводит нас в грех.

Но довольно! Будь я чуть помоложе, то, верно, больше написала бы о таких суетных вещах, как людская красота. Но в мои года я страшусь прегрешения.

«Слова его возвышенны, и сам он полон благочестия», – заговорит молва о проповеднике. И вот уже иные люди спешат в храм, лишь бы первыми послушать его. Ах, чем ехать туда из таких тщеславных побуждений, лучше остаться дома! Бывало, в старину, когда придворный выйдет в отставку, ему уже нет места в императорском кортеже и, уж само собой, во дворце его не увидишь. Но времена изменились. Бывших куродо, возведенных при отставке в чин пятого ранга, ныне охотно употребляют на службе.

И все же отставной придворный, верно, тоскует в душе, вспоминая прежние дни. Ему кажется, что он не у дела. От скуки заглянет в храм, послушает проповедь раз-другой, и вот его уже все время тянет туда.

Даже летом, в разгар летней жары, он там. Исподнее платье на нем самых ярких цветов. Бледно-лиловые переливчатые шаровары такой длины, что он топчет их при ходьбе. У иного к шапке прицеплен ярлычок с надписью «День удаления». Ему бы не покидать своего дома в такое время, но, видно, он думает, что ради благого дела все дозволено.

Разговаривая с мудрым подвижником, готовым приступить к проповеди, он посматривает краем глаза туда, где стоят экипажи с приезжими дамами. С радостным изумлением подходит к знакомому, с кем давно не виделся, заводит с ним разговор, кивает в знак согласия, рассказывает интересные новости, смеется, прикрыв рот широко распахнутым веером, небрежно перебирает роскошные четки из хрусталя, бросает взгляды направо и налево, хвалит или бранит убранство экипажей, разбирает до тонкости, так или этак прочел тот или иной священнослужитель «Восемь поучений» или «Приношение в дар святых книг»… За всем этим проповедь он пропустил мимо ушей.

Ну и что же? Он слушает столько проповедей, что уже не находит в них ничего нового, необыкновенного.

Иные господа не столь бесцеремонны, но все же являются после того, как проповедник уже занял свое место.

Вот они подкатили в экипаже под крики передовых, разгоняющих толпу.

Это молодые еще люди, изящные и стройные. На одном кафтан из шелка, тоньше крылышка цикады, и шаровары, под кафтаном легкое платье из шелка-сырца. На другом – «охотничья одежда».

Их всего трое-четверо да столько же слуг. Они входят в храм. Несколько потеснив тех, кто прибыл раньше, занимают места у подножия колонны, поближе к проповеднику, и, потрепав в руках четки, готовятся слушать.

Увидев их, священнослужитель польщен и старается с блеском прочесть свою проповедь, чтобы в свете о нем заговорили. Но вот он кончил. Не успеют молящиеся вознести хвалу Будде и отбить поклоны, как эти господа с шумом встают и торопятся выйти первыми, поглядывая в ту сторону, где стоят экипажи дам.

Воображаю, о чем тогда толкуют между собой приятели!

– Как прелестна вот эта дама!

– А вон та, незнакомая, кто она? – теряются они в догадках, провожая ее пристальным взглядом. Ну, не смешно ли?

– Там читали проповедь. А вон там «Восемь поучений», – то и дело сообщают друг другу светские люди.

– А она там была?

– Еще бы, как же иначе!

Такое принуждение, нет, уж это чересчур!

Я не собираюсь, разумеется, хвалить тех, кто ни разу не удосужился послушать проповедь. Ведь многие женщины самого низкого звания слушают их с большим усердием. Но в прежнее время дамы не ходили пешком на все молебствия. А если в кои веки пойдут, то соблюдают в одежде хороший тон. Как подобает паломнице, завернутся с головой в широчайший плащ, именуемый «цветочным горшком». Но все же тогда не часто доводилось, чтобы дамы ходили слушать проповедь. Если бы люди, посещавшие храм в былые времена, дожили до наших дней, как бы строго судили они и порицали нас!

34. Когда я удалилась от мира в храм Бодхи…

Когда я удалилась от мира в храм Бодхи, чтобы слушать там «Восемь поучений», укрепляющих веру, пришел посланный из одного дружеского мне дома с просьбой: «Вернитесь скорее, без вас тоскливо».

В ответ я написала на листе бумажного лотоса:

Напрасен ваш призыв!

Могу ли я покинуть лотос,

Обрызганный росой?

Могу ли возвратиться снова

В мир дольней суеты?

Светлые слова поистине глубоко проникли в мою душу, и мне захотелось навеки остаться в обители. Я позабыла, с каким нетерпением ждут меня в миру родные и близкие.

35. У господина та?йсё, имеющего свою резиденцию…

У господина тайсё, имеющего свою резиденцию в Малом дворце на Первом проспекте, есть загородный дом Косиракава. В этом доме попечением высших сановников было устроено замечательное торжество: четыре дня подряд должны были читаться «Восемь поучений». Всем людям большого света не терпелось побывать там.

«Если запоздаете, некуда будет поставить экипаж», – предупредили меня, и я пустилась в путь вместе с первыми каплями утренней росы.

И в самом деле, скоро не осталось свободного места. Повозки на дворе стояли впритык, одна опиралась на оглобли другой. Лишь в первых трех рядах еще можно было что-то расслышать.

Близилась середина шестой луны, и жара стояла необычайная. Только тот, кто смотрел на лотосы в пруду, мог еще подумать о прохладе. Все высшие сановники, за вычетом Левого министра и Правого министра, присутствовали на этом сборище. На них были шаровары из переливчатого лилового шелка и тончайшие кафтаны, а сквозь шелка просвечивали легкие исподние одежды цвета бледной лазури.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sey-senagon_/zapiski-u-izgolov-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить